

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

E-mail: filfak@list.ru

Фишер Наталья Львовна

Кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель,
Международная языковая школа OISE
(Гейдельберг, Германия)

<https://orcid.org/0000-0002-0227-8335>

E-mail: tascha5@yandex.ru

Fisher Natalya Lvovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Lecturer,
OISE International Language School
(Heidelberg, Germany)

<https://orcid.org/0000-0002-0227-8335>

E-mail: tascha5@yandex.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННОЙ
КООРДИНАТЫ ДИАЛЕКТНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. БЕЛОВА
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ
ПЕРЕВОДОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

**REFLECTING THE TIME
COORDINATE OF THE DIALECT
LANGUAGE WORLD PICTURE IN
V. I. BELOV'S WORKS AND THE
POSSIBILITY OF ITS
REPRESENTATION IN
TRANSLATIONS INTO GERMAN**

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема реконструкции диалектной языковой картины мира средствами другого языка при переводе художественного произведения.

Особое внимание уделено анализу формирования временной координаты художественного хронотопа, которая в прозе Василия Белова содержит как грамматические, так и лексические диалектные единицы.

На основе проведенного анализа переводов текстов В. И. Белова на немецкий язык был сделан вывод о том, что диалектные элементы временной составляющей нивелируются в тексте перевода до общеупотребительных и нуждаются в дополнительном комментировании средствами внетекстовой адресованности.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, лингвистика текста, теория и практика перевода

Abstract. This article examines the problem of reconstructing the dialectal language picture of the world by means of another language when translating a literature work of art.

Particular attention is paid to the analysis related to the formation of the temporal coordinates of the artistic chronotope, which in Vasily Belov's prose contains both grammatical and lexical dialectal units.

Analyzing Belov's translations into German, it is concluded that in the translation text, the dialect elements of the temporal component are leveled to the common colloquial ones and need additional comment by means of extra-text information.

Keywords: dialectal linguistic picture of the world, text linguistics, theory and practice of translation

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Связь языка и мышления, языковых знаков и процессов познания определяет проблематику различных отраслей гуманитарного знания: философии, психологии, лингвистики. В связи с этим внимание лингвистов фокусируется на феномене *языковой картины мира* (далее – ЯКМ) – исторически сложившейся совокупности представлений о мире, закрепленной в обыденном сознании носителей языка и обретающей внешнее выражение в речевых произведениях, созданных с помощью языковых средств. Уже само толкование ЯКМ определяет два принципиально противоположных подхода к ее изучению: это, во-первых, концептуальный анализ ЯКМ конкретного языка (работы Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, А. А. Зализняка, А. Вежбицкой и др.), а во-вторых, анализ языковых единиц как средств формирования мышления и представления о мире, средств регуляции познавательной деятельности носителей языка: картина мира здесь «означает не *картину*, изображающую мир, а *мир*, понятый в смысле такой картины»¹ (выделение наше. – Е. И., Н. Ф.). Именно этот подход, опирающийся на основные положения немецкой лингвистической философии, мы считаем наиболее приемлемым для данной работы, разумеется, с учетом отдельных этнолингвистических особенностей русского и немецкого языковых коллективов.

Еще в XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт указывал, что язык ни в коем случае не является только средством коммуникации. Отдельные языки представляют собой основу человеческого мышления, отражения процессов познания мира. Важнейший тезис исследований Гумбольдта – утверждение, что каждый язык по-своему, специфически фиксирует мир в словах и понятиях: “Durch die gegenseitige Abhängigkeit des Gedankens, und des Wortes von einander leuchtet es klar ein, dass die Sprachen nicht eigentlich Mittel sind, die schon erkannte Wahrheit darzustellen, sondern weit mehr, die vorher unerkannte zu entdecken. Ihre Verschiedenheit ist nicht eine von Schällen und Zeichen, sondern eine Verschiedenheit der Weltansichten selbst. Hierin ist der Grund, und der letzte Zweck aller Sprachuntersuchung enthalten. Die Summe des Erkennbaren liegt, als das von dem menschlichen Geiste zu bearbeitende Feld, zwischen allen Sprachen, und unabhängig von ihnen, in der Mitte; der Mensch kann sich diesem rein objectiven Gebiet nicht anders, als nach seiner Erkennungs- und Empfindungsweise, also auf einem subjectiven Wege, nähern” (Gesammelte Schriften, Bd. IV)². Эту мысль творчески продолжил на материале немецкого языка Лео Вайсгербер, обобщив результаты своего исследования в работе “Vom Weltbild der deutschen Sprache” (1950). «Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, кото-

¹ Цит. по Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (дата обращения: 02.09.2020).

² Gipser H. Die Sprache als Instrument der Weltsicht. Zur Geschichte einer umstrittenen Idee // Neue Zürcher Zeitung. Literatur und Kunst. – 1999. – № 157. – S. 79.

рыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества»¹.

Политическая ситуация середины XX в. сместила акценты дискуссии с самой идеи исследования языковой картины мира немецкого языка на критику националистических взглядов. Новый этап интереса к феномену языковой картины мира был связан с публикацией работы Бенямина Уорфа “Language, Thought, and Reality” (1956): «Мы расчлняем природу <...> в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»². Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа (согласно ей структура языка определяет мышление и способ познания реальности) дала новый толчок типологическим исследованиям отдельных языков, вопросам сравнительного языкознания и проблемам перевода, где «принцип лингвистического детерминизма» утверждает принципиальную неперевожимость иноязычных текстов. Б. Уорф справедливо полагал, что отдельные языки по-разному членят внеязыковую реальность в понятиях и грамматических структурах; образно это можно представить в качестве набрасываемых на переводимый текст сетей с ячейками разной величины, так что отдельные понятия и структуры будут удержаны в тексте перевода, а другие – нет. Принимая во внимание данное утверждение, тем не менее следует вспомнить многочисленные примеры удачных переводов художественных произведений на различные языки мира, что в известной мере опровергает принцип лингвистического детерминизма, демонстрирует факты наложения «ячеек» и пересечения «сетей» отдельных языков. Язык, являясь одной из форм репрезентации представлений о мире в сознании исторической общности людей, фиксирует их национально-культурное наследие. По этой причине при обращении к феномену языковой картины мира в процессе сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического анализа художественного текста и его перевода можно, с одной стороны, мотивировать конкретные переводческие решения, а с другой – уточнить границы межкультурной коммуникации. Объектом наблюдений в данном случае может быть художественный текст как репрезентант национальной картины мира в ее индивидуально-творческом освоении. Основу выводов в нашем исследовании определяет работа с текстами художественной прозы вологодского писателя Василия Белова (1932–2012) и их переводами на немецкий язык.

Анализ переводов произведений В. И. Белова, на наш взгляд, невозможен без обращения к феномену *диалектной языковой картины мира* (далее – ДЯКМ). Этим термином принято называть систему представлений о мире, которая складывается в

¹ Цит. по Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера. – URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 02 09 2020).

² Цит. по Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера. – URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 02 09 2020).

локально ограниченном языковом коллективе и обретает свое выражение в диалектной речи. Вопросам реконструкции диалектной языковой картины мира на материале бытовой и художественной речи посвящены работы Т. И. Вендиной, К. И. Демидовой, Л. Г. Яцкевич и ряда других исследователей, как правило, изучающих явления одного языка безотносительно к проблемам художественного перевода. Вместе с тем обращение к диалектному варианту общенациональной картины мира при работе с текстами В. И. Белова вполне оправдано. Писатель считал, что в современном мире «произошло отчуждение народа от собственных культурных источников, и это отчуждение сродни отчуждению крестьянина от земли»¹, поэтому автор стремится к изображению национально-специфичного характера восприятия и познания действительности, в равной мере используя локально не ограниченные и территориально специфичные ресурсы языка. Как показывает практика, перевод диалектных слов, связанных с традициями бытовой и духовной культуры северной деревни, либо невозможен, либо не вполне адекватен. Это обусловлено, с одной стороны, спецификой восприятия действительности носителями разных языков и субъектами разных национальных культур, а с другой – собственно языковыми различиями.

Диалектная модель мира отличается естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близости к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется кодификацией. Исследователи называют типологическими свойствами русской диалектной языковой картины мира ее антропоцентричность / эгоцентричность, тесную связь с вопросами биологического выживания человека, конкретность / утилитарность / прагматичность, стереотипность и экспрессивность². Определение этих признаков традиционно ориентируется на реконструкцию инвентаря значимых *объектов* ДЯКМ, системы характерных для нее *действий* и *признаков*, а на основе этой реконструкции – на изучение разного рода *оценок*, которые могут быть выражены посредством языковых знаков различных лингвистических ярусов (лексики, фразеологии, грамматики) и различных жанровых образований внутри сложного речевого целого. В ДЯКМ выбор и комбинация инвентаря языковых средств выполняют сложную задачу, ориентируясь одновременно на конкретность именования и экспрессивность / эмоциональность. На основе этого кажущегося противоречия при выборе языковых средств возникают особые формы слов, их дополнительные смыслы и создается особая метафорика. В. И. Белов мастерски владеет художественным словом и методом диалектного словообразования и народной фразеологии, умело вплетая в ткань повествования рифмованные высказывания, юмор, народную мудрость.

Несмотря на типологическую близость русского и немецкого языков, а также на то обстоятельство, что в каждом из них диалекты играют важную роль, диалектное пространство обоих языков демонстрирует значительные различия. В то время как в русском языке диалекты постепенно нивелируются общим языковым стандартом и

¹ Белов В. И. Догорающий Феникс. – URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/istoriya-i-sovremennost/959-dogorayushchij-feniks> (дата обращения: 02.09.2020).

² Более подробно об этом см.: Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Ганичева С. А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Часть I. Домашние и дикие животные. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 178 с.

служат средством бытового общения для ограниченного языкового коллектива, а в художественной литературе территориально ограниченные ресурсы языка используются как средства архаизации или географической детерминации повествования, диалекты немецкого языка сохраняют свое значение идентификаторов принадлежности к отдельной федеральной земле, городской или деревенской общине. Диалекты здесь – маркеры определенного менталитета, их включение в текст художественной литературы преследует цель привязать повествование к определенной территории вне зависимости от времени, демонстрировать принадлежность автора к диалектной общине и, соответственно, выразить ее менталитет, в том числе в форме речевого портрета персонажа. Исходя из различий исторического развития и современного функционирования диалектов русского и немецкого языков, можно с уверенностью утверждать, что использование ресурсов немецких диалектов при переводе локально ограниченных средств русского языка невозможно; это совершенно не приблизит переводчика к репрезентации локальных представлений о мире. Диалектные единицы усиливают и осложняют различия между ЯКМ, поскольку они являются «лингвоспецифичными словами, непереводаемыми на другие языки и заключающими в себе специфические для данного языка концепты»¹ (А. А. Зализняк), или простыми по своей структуре единицами «с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно, т. е. сложными единицами типа словосочетание или предложение»². Таким образом, перевод произведений, несущих в себе диалектные компоненты, сложен, требует от переводчика особо кропотливой работы двойного перекодирования: с диалекта на общелитературный язык, затем на язык перевода с целью передачи диалектной специфики.

Основная часть

Временная координата художественного пространства произведений В. И. Белова с точки зрения практики художественного перевода интересна своей лексической составляющей. Выбор темпоральных грамматических форм соответствует художественному замыслу автора и благодаря сходным системам языка оригинала и языка перевода не вызывает трудностей при реконструкции художественного времени при переводе: так, например, диалектная форма инперфектива (*растоплять*) или диалектного перфекта (*чтоб сейчас домой хожено было*) передаются адекватными структурами и стандартными средствами грамматики немецкого языка: соответствующими контексту временными формами (перфект или исторический презенс) и средствами модальности (*норови – versuchs*³, *прибажилось* (ср.: *прибажиться* ‘захотеться’⁴) – *mussten sie*⁵...)¹.

¹ Энциклопедия Кругосвет. Языковая картина мира. – URL: <https://www.krugosvet.ru/node/41681> (дата обращения: 02.09.2020).

² Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / под редакцией Ю. Д. Апресяна. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – С. 36.

³ Below W. Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928. – Berlin: Suhrkamp, 1987. – 448 S.

⁴ Словарь вологодских говоров / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 1997. – Вып. 7. – С. 85.

⁵ Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – 250 S.

Наибольшими «мировоззренческими» возможностями, как отмечал еще в своей «словоцентричной» теории Л. Вайсгербер, обладает лексическая система языка. Приоритет лексической картины мира по отношению к морфологической или синтаксической объясняется крайне значительным количеством ее единиц. По этой причине, как правило, образ языковой картины мира репрезентируется как система лексических полей, анализируя которую легче обнаружить «мировоззренческую» природу ЯКМ.

В данном исследовании лексический компонент ДЯКМ в произведениях В. И. Белова рассматривается на примере поля времени. По словам самого автора, времени отводится в литературном творчестве особая роль: «И если мир состоит действительно лишь из времени и пространства, то, думается, наука взаимодействует больше с пространством, а искусство со временем»². В отличие от «телесного» пространства, которое можно легко структурировать и описать вне зависимости от субъекта, время представляет собой сложный мифологический конструкт и нуждается в носителе – привязанности к пространству или субъекту. Временные характеристики ДЯКМ подчиняются антропоцентрическому канону и соответствуют «“наивной картине мира”, которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как “опредмеченные” константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами»³.

В художественном пространстве произведений В. И. Белова объективное время повествования и субъективное время переживания персонажей сливается в единый, моделируемый лексическими единицами ЯКМ блок, где диалектные элементы используются как автором, так и его персонажами. При этом персонажное время может быть связано с событийным рядом и переживаться компримированно: *«Иван Африканович не мог надивиться на шурина. Пес, не парень, откуда что и берется? Приехал гол как сокол, даже и чемодан в дорожке утек. Недели не прошло – напоил всю деревню, начальство облаял, Мишку сосватал, корову сеном обеспечил. И все будто походя»*⁴. – „Iwan Afrikanowitsch kam nicht aus dem Staunen. Eingeriebener Junge! Woher er das bloß hatte? Total abgebrannt war er angekommen, sogar den Koffer unterwegs versetzt. Noch war keine Woche um, und er hatte schon dem halben Dorf Wodka spendiert, die Vorgesetzten angepöbelt, Mischa zu einer Braut verholfen und Heu für die Kuh verschafft”⁵, или, наоборот, растянуто, особо структурировано не на «тогда» и «сейчас», а на «до» и «после» судьбоносного события в жизни персонажа, когда антропоцентрическая координата времени становится эгоцентрической (например, смерть жены или попытка Ивана Африкановича переехать в город): *«Куда поехал? Пошто? Господи, Царица небесная, будто в тумане катится солнышко. За одну*

¹ Фонетические особенности локализмов в данной статье не рассматриваются.

² Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – С. 3.

³ Теля В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 174.

⁴ Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Утром в субботу: повести и рассказы. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – С. 85.

⁵ Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – S. 138.

неделю мужик переменился, как подменили...»¹ – “Wotreibtesihnhin? Undwozu? Heilige Muttergottes, stürzt sich Hals über Kopf ins Ungewisse, dieser Mann. Die Augen stier, kaum ein Wort, und nachts nur das Seufzen und Zigarettenqualmen.”² При переводе таких оборотов внимание может быть смещено с дословной передачи хронотопа (за одну неделю) на эмоциональное восприятие времени, что в тексте перевода умело передается кратким динамичным перечислением перемен в поведении персонажа, описываемого эллиптическими синтаксическими конструкциями.

Авторское время ориентируется на общепринятые нормы календарного структурирования, а в творчестве писателя-деревенщика – и на образ жизни описываемого этноса. В. И. Белов, особо заинтересованный спецификой крестьянской жизни, неоднократно подчеркивал ее ритмичность, биологическую, социальную и нравственную соразмерность: «Ритм – основа не только труда. Он необходим человеку и во всей его остальной деятельности <...> Гармония как духовная и физическая по отдельности, так и вообще – это жизнь, полнокровность жизни, ритмичность <...> Ритмичность была одной из самых удивительных принадлежностей северного народного быта»³. В связи с этим время существует в произведениях В. И. Белова в его наивном природном состоянии, оно циклично, делится на времена года и передается поэтическими описаниями характеристик состояния природы: «Прошла осень и зима, выросла другая трава, в покотине вновь обсохли брусничные горюшки»⁴. – “Der Herbst verging, der Winter, wieder sproß das Gras, und die krausen Preiselbeerhügelchen auf der Weide.”⁵; «И ходила осень по русской земле... Как ходит странная баба непонятного возраста: по золотым перелескам, промеж деревьев, собирая в подол хрусткие рыжики. За спиною кошель с неизвестной поклажей, на голове темный платок».⁶ – “Und der Herbst ging über das russische Land... Wie eine umherstreifende Fremde rätselhaften Alters, die durch vergoldete Haine streicht und trockene Reizker in den Rocksäum sammelt, auf dem Rücken einen Beutel, dessen Inhalt niemand kennt, auf dem Kopf ein dunkles Tuch.”⁷

В данном случае перевод не вызывает особых проблем, исключая явления, не свойственные или малознакомые немецкому читателю (например: *клюква*, *брусника* – *Moosbeeren*, *Preiselbeeren*, *хрусткие рыжики* – *Reizker*, *рвать черемуху* – *Maulbeerbaum*). Поэтический ритм повествования, образность и олицетворение природных явлений сохраняются при переводе благодаря эмоционально-образным средствам немецкого языка. Однако часть значений смещается: так, в переводе осень становится «чужой» (*Fremde*), в то время как у Белова она – часть крестьянской общины, «странная баба». И использованные в описании времени года реалии присутствуют в словаре, но не в тезаурусе немецкого читателя, что может вызвать удивле-

¹ Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Утром в субботу: повести и рассказы. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – С. 107.

² Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – S. 173.

³ Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – С. 3.

⁴ Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Утром в субботу: повести и рассказы. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – С. 122.

⁵ Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – S. 200.

⁶ Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х годов. – Москва: Современник, 1989. – С. 301.

⁷ Below W. Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928. – Berlin: Suhrkamp, 1987. – S. 391.

ние по поводу действий персонажа (*собирала сушеные рыжики*), однако не нарушает адекватного восприятия динамики развития времени года.

Сегментирование времени в рамках отдельного сезона осуществляется посредством описания хозяйственных мероприятий (*до навозной бы успеть, сев на носу, межумолоки*), с наполненными традициями праздников периодами (*святки, Великий пост, Масленичная неделя*). Как уже отмечалось, немецкий и русский этнокультурные концепты стоят в незначительной удаленности друг от друга, поэтому обозначения времени, отражающие традиционные этапы крестьянского труда, уходящие в религию традиции, а также вошедшие в общелитературный контекст, имеют соответствующие словарные эквиваленты (*навозная – Dung, страда – Ernte, Erntezeit, масленица – Butterwoche*), как дословный перевод, который известен немецкому читателю как обозначение русской традиции, связанной с проводами зимы. В немецком этноконтексте существует аналогичная традиция *Fastnachtwoche, Fastzeit, Fasching*, комбинирующая в себе дохристианские и христианские традиции (игрища ряженных и начало поста) и получившая с течением времени дополнительный социально-критический компонент «пятого времени года» – правление шутов. В связи с этим этноспецифичные для оригинала и перевода лексемы используются в тексте произведения как синонимы и являются примером полного совпадения ЯКМ оригинала и перевода на определенный момент внехудожественного времени.

Сложнее дело обстоит с диалектными единицами (например, *межумолоки* – «период времени перед отелом, когда корова не дает молока»¹), не имеющими эквивалента в языке перевода; в таком случае в соответствии с энциклопедическим описанием применяется аналогичная описательная конструкция *Kuhstandtrocken*².

В ДЯКМ конкретные числа календаря заменяются названиями традиционных праздников: *на Крещение, Казанская, Успенье, Иванов день, до Петрова дня*. При переводе используются соответствующие именованья дней согласно церковному календарю. Близость религиозной традиции определяет совпадение значительного количества именованья и чисел. Расхождение в религиозных календарях обуславливают проблемы перевода и искажения времени ДЯКМ: *Петров день – Petritag* (день суда и рассуда в северных районах Германии, связанный с началом путины 22.02, поскольку апостол Петр – покровитель рыбаков). В России это День святых апостолов Петра и Павла (29.06). Для решения таких проблем переводчик использует средства внетекстовой адресованности: *Казанская* объясняется в сноске или уточняется датой в контексте “*am 8.Juli, dem Tagder Kasaner Muttergottes*”³. *Крещение* в зависимости от контекста передается календарным обозначением *Januarsfrosten* (крещенские морозы) или близкой по дате и традиции реалией немецкой культуры *Dreikönigstag* (6.01 – День волхвов).

Временной промежуток *день* делится согласно традиционным занятиям, наблюдениям природы и поведения животных. Доминирующими отрезками времени в русской традиции являются *утро* и *вечер*: «*до первых / вторых петухов*», *завтрак*, «*вставай чаевничать*», *обед*, *сумерки*, «*когда пришли коровы*», *паужна*. Описание

¹ Словарь вологодских говоров / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. – Вып. 4. – С. 79.

² Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – 250 S.

³ Below W. Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928. – Berlin: Suhrkamp, 1987. – 448 S.

явлений природы для обозначения времени образно, насыщено тропами, что, с одной стороны, расширяет возможности поиска эквивалентов для перевода (*августовская ночь окутала все вокруг, августовская темень грозоздилась*), а с другой – вынуждает переводчика ориентироваться скорее на восприятие немецкого читателя, его информированность (например, фраза «стояли белые ночи» в дословном переводе вызовет у немецкого читателя устойчивые ассоциации не с северной деревней, а с городской культурой Санкт-Петербурга).

Основную сложность для переводчика составляют обозначения временного дейксиса, представленные диалектными лексемами: *к завтрему* – особая лексикализация на основе *к+за+утро* – *anderntagsam Morgen*¹; *нонче* – обл. форма *к нынче* – сегодня, в настоящее время, теперь – *dieses Jahr*² по контексту, хотя в немецком языке имеется архаичное наречие сходного значения *heuer*; *севодни* – *heut*³, *вдругорядь* – *noch mal, abermals*⁴, *третьего дня* – *vor drei Tagen*⁵, *вутре* – *morgen*⁶. Перевод осуществляется по энциклопедическому описанию и по контексту, при этом теряется диалектная специфика, компенсируемая переводчиком за счет привлечения средств и форм наречий разговорной речи.

Выводы

На основе проведенного наблюдения и анализа можно отметить, что восприятие и переживание времени – явление, не подчиняющееся этноспецифическим канонам. Свойственная художественному творчеству В. И. Белова образность и поэтичность в описании повествовательного времени вызывает при переводе сложности, сопоставимые с проблемами перевода поэтического текста, наполненного тропами с локальным колоритом. Утрата компонентов значения (прежде всего диалектных элементов) обусловлена здесь несовпадением ЯКМ и системы языков оригинала и перевода. Наибольшие потери наблюдаются в сфере грамматики, что определяется отсутствием особой разговорно-диалектной грамматики в распоряжении переводчика.

Лексическая сфера наиболее показательна для анализа, она демонстрирует расхождение в этноспецифической языковой картине мира, причем собственно диалектные слова не вызывают при переводе особых сложностей, что может быть обусловлено значимым контекстом художественного произведения. Выбор лексемы языка перевода определяется не только близостью ее значения к оригиналу, но и соответствием контексту, где ведущими категориями становятся антропоцентричность и экспрессивность. Отсутствие языковой единицы компенсируется описанием, поэтому при переводе (даже при наличии диалектных лексем или форм) не возникает сложностей. Однако ДЯКМ оригинала нивелируется в тексте перевода до обиходно-разговорного варианта ЯКМ.

¹ Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – 250 S.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Below W. Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928. – Berlin: Suhrkamp, 1987. – 448 S.

⁶ Там же.

Кроме того, на успех перевода влияет и коммуникативная задача переводчика, который стремится умело лавировать между условиями соблюдения адекватности перевода и доступности смыслов нового текста немецкоязычному читателю. Так, переводчик повести «Привычное дело» Х. Ангарова пытается воссоздать образ вологодской деревни и ее быта средствами другого языка, но зачастую выбирает лексемы, неизвестные простому читателю. Напротив, переводчик романа «Кануны» Э. Арндт близко к оригиналу и в общедоступном контексте немецкого языка передает лишь общий смысл и поэтичность описаний природы, эмоций, чувств и восприятия времени персонажами.

Литература

Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / под редакцией Ю. Д. Апресяна. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–160.

Белов В. И. Догорающий Феникс. – URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/istoriya-i-sovremennost/959-dogorayushchij-feniks> (дата обращения: 02.09.2020).

Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х годов. – Москва: Современник, 1989. – 464 с.

Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Утром в субботу: повести и рассказы. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – С. 3–151.

Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (дата обращения: 02.09.2020).

Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгерберга. – URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 02.09.2020).

Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Ганичева С. А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Часть I. Домашние и дикие животные. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 178 с.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 173–204.

Энциклопедия Кругосвет. Языковая картина мира. – URL: <https://www.krugosvet.ru/no-de/41681> (дата обращения: 02.09.2020).

Below W. Sind wir ja gewohnt. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – 250 S.

Below W. Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928. – Berlin: Suhrkamp, 1987. – 448 S.

Gipper H. Die Sprache als Instrument der Weltsicht. Zur Geschichte einer umstrittenen Idee // Neue Zürcher Zeitung. Literatur und Kunst. – 1999. – № 157. – S. 79. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. – 1451 S.

References

Apresian Yu. D. Osnovaniia sistemnoi leksikografii [Principles of systemic lexicography]. *Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* [Language picture of the world and systemic lexicography; ed. by Yu. D. Apresian]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006, pp. 33–160.

Belov V. I. *Dogoraiushchii Feniks* [Waning Phoenix]. Available at: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/istoriya-i-sovremennost/959-dogorayushchij-feniks> (accessed: 02.09.2020).

Belov V. I. *Kanuny: Khronika kontsa 20-kh godov* [Eves: Chronicle of the 20s]. Moscow: Sovremennik, 1989. 464 p.

Belov V. I. *Lad: Ocherki o narodnoi estetike* [Harmony: Essays on folk aesthetics]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1982. 293 p.

Belov V. I. Privychnoe delo [Business as usual]. *Belov V. I. Utrom v subbotu: povesti i rasskazy* [Belov V. I. On Saturday morning: novels and short stories]. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, pp. 3–151.

Vorotnikov Iu. L. “*Iazykovaia kartina mira*”: traktovka poniatiia [Language picture of the world: approach to the concept]. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (accessed: 02.09.2020).

Danilenko V. P. *Iazykovaia kartina mira v kontseptsii L. Vaisgerbera* [Language picture of the world in the conception of L. Weisgerber]. Available at: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (accessed: 02.09.2020).

Il'ina E. N., Saburova L. V., Ganicheva S. A. *Iazykovaia kartina mira vologodskogo krest'ianina. Chast' I. Domashnie i dikiye zhivotnye* [The language world view of the Vologda peasant. Part 1. Domestic and wild animals]. Vologda: VoGU, 2019. 178 p.

Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12 [Dictionary of Vologda dialects. Issues 1–12; ed. by T. G. Panikarovskaya]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1983–2006.

Teliia V. N. Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoi kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Serebrennikov B. A., Kubriakova E. S., Postovalova V. I. i dr. Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [Serebrennikov B. A., Kubriakova E. S., Postovalova V. I. The role of the human factor in language: Language and the picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 173–204.

Entsiklopediia Krugosvet. Iazykovaia kartina mira [Encyclopedia Krugosvet. Language picture of the world]. Available at: <https://www.krugosvet.ru/no-de/41681> (accessed: 02.09.2020).

Below W. *Sind wir ja gewohnt*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. 250 S.

Below W. *Vorabende: Nordrussische Chronik, 1928*. Berlin: Suhrkamp, 1987. 448 S.

Gipper H. Die Sprache als Instrument der Weltansicht. Zur Geschichte einer umstrittenen Idee. *Neue Zürcher Zeitung. Literatur und Kunst*, 1999, no. 157, S. 79.

Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 S.

Для цитирования: Ильина Е. Н., Фишер Н. Л. Отражение временной координаты диалектной языковой картины мира в произведениях В. И. Белова и возможности ее репрезентации в текстах переводов на немецкий язык // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6 (99). – С. 106–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-8

For citation: Ilyina E. N., Fisher N. L. Reflecting the time coordinate of the dialect language world picture in V. I. Belov's works and the possibility of its representation in translations into German. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 6 (99), pp. 106–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-8